

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО), ДАННЫХ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Ради социального блага ты должен сам себе быть свидетелем и полицейским. Ты должен нести ответственность за любое преступление, которое предположительно мог совершить.

Роберт Шекли. Цивилизация статуса

Действующий УПК РФ устанавливает, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Законодатель прямо указал, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Достижение указанных целей уголовного судопроизводства возможно только при строгом следовании требованиям закона, регламентирующим действия участников процесса по собиранию, оценке и использованию доказательств, и соблюдению прав участников процесса. Одним из важнейших прав, которым в соответствии с законом наделен обвиняемый (подозреваемый), является право давать объяснения и показания по делу.

В соответствии со ст. 47 УПК РФ показания обвиняемого (подозреваемого) — это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде (ст. 76, 77 УПК РФ).

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания подозреваемого и обвиняемого допускаются в качестве доказательств. Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь

* © Шапошникова И.А., 2009

Шапошникова Ирина Анатольевна — адвокат Самарской коллегии адвокатов «Эгида» Палаты адвокатов Самарской области

при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Неподтвержденное другими доказательствами признание обвиняемым своей вины не является достаточным основанием для вынесения судом обвинительного приговора. Таким образом, «обвинение должно быть обосновано достаточными и достоверными доказательствами независимо от того, какие показания дает сам обвиняемый. Вводя такие правила, новый закон ставит перед обвинительной властью задачу научиться доказывать обвинение, не прибегая к помощи самого обвиняемого»¹.

Наличие в законе нормы о том, что показания, содержащие признание обвиняемого в совершении инкриминируемого преступления, могут, пусть и с оговорками, быть использованы для доказывания его вины, приводит к тому, что сотрудники правоохранительных органов сосредотачивают свои усилия в первую очередь на получении от лица именно таких показаний. 64,4 % из 135 опрошенных автором следователей системы МВД наиболее значимым, основным обвинительным доказательством по уголовному делу считают признание обвиняемым (подозреваемым) своей вины. Получение такого признания и согласующихся с ним показаний определяется ими в качестве своей основной задачи.

Подобный подход к определению значимости признания вины нашел отражение и в отечественной криминалистической науке. В работах, посвященных тактике допроса, значительное внимание уделяется приемам, направленным на склонение обвиняемого (подозреваемого) к «сотрудничеству со следствием», которое в большинстве случаев сводится к признанию им своей вины и даче соответствующих показаний². Например, рекомендуется использовать знания о «нервной системе человека», так называемые «улики поведения», подтвердить признание обвиняемого другими доказательствами (результатами допросов других лиц, очных ставок, заключениями различных экспертиз), фиксировать обстоятельства получения признания с помощью технических средств и т.п.³

Некоторые авторы придают показаниям обвиняемого столь большое значение, что рекомендуют не только добиваться признания, но и не допускать отказа подозреваемого (обвиняемого) от дачи показаний. Они указывают, что «задачей следователя в данной ситуации является внушение стороне защиты мысли о бесполезности действий и показаний, направленных на сокрытие действительных обстоятельств по делу. Такое внушение возможно в результате совершения действий, направленных на сбор новых уличающих доказательств и ин-

формации, а также действий, целью которых является воздействие на психику подозреваемого (обвиняемого) и его защитника (курсив мой. — И. Ш.)»⁴.

По нашему мнению, подобное воздействие на сторону защиты неизбежно оказывается следователем при активном производстве расследования и является допустимым, если не нарушены критерии допустимости тактических приемов, сформулированные в криминалистике на основе уголовно-процессуального закона и норм нравственности⁵. Однако в современной научной литературе разрабатываются тактические приемы, направленные не только на оказание допустимого воздействия на сторону защиты, но и на существенное ограничение возможности реализации ее прав.

Например, Э. У. Бабаева дает следователям такие рекомендации: «В ходе допроса необходимо следить за тем, чтобы при ответах допрашиваемого на вопросы следователя защитник не мог подсказать ответ или подать предупреждающий сигнал движением бровей, мышц лица, руками, условным действием (например, постукиванием карандаша, манипуляций с очками), после которого допрашиваемый задерживается с ответом, запинаясь, вопросительно смотрит на защитника. Для того чтобы избежать возможности подачи условных сигналов, защитника размещают несколько сзади и сбоку от допрашиваемого. При этом нужно проследить, чтобы допрашиваемый не мог видеть отражения защитника в зеркале, плафоне настольной лампы и других предметах с полированной поверхностью.

В случае повторных подсказок или сигналов следователь может прервать допрос и в протоколе сделать запись о причине остановки... В связи с этим следователь может прекратить допрос и в случае неэтичного поведения защитника, руководствуясь ст. 38 УПК РФ, поставить вопрос об отстранении защитника от участия в деле»⁶ (стилистические особенности речи автора и курсив сохранены. — И. Ш.).

При этом автора цитаты не смущает, что такие рекомендации выходят за рамки полномочий, предоставленных следователю уголовно-процессуальным законом.

Следуя подобным рекомендациям сотрудники правоохранительных органов не останавливаются перед использованием и более незаконных методов воздействия на подозреваемого (обвиняемого) в целях получения признания в совершении преступления. Примером является широко известное дело Михеева против Российской Федерации, рассмотренное Европейским Судом по правам человека⁷.

Стремясь оградить обвиняемого от подобных незаконных методов воздействия, действующий УПК РФ ограничивает возможности использования показаний подозреваемого, обвиняемого в качестве доказательств по уголовному делу. Показания привлекаемого к ответственности лица могут быть использованы в качестве доказательств его виновности, только если соблюдены предусмотренные законом правила их получения:

1. При допросе присутствовал защитник, а в случае его отсутствия, если обвиняемый подтвердил в суде ранее данные показания.

2. Показания даны добровольно.

3. Показания подтверждаются совокупностью других собранных по делу доказательств.

Вводя такие правила допустимости этого вида доказательств, законодатель стремится максимально гарантировать как соблюдение прав привлекаемого к уголовной ответственности лица, так и достоверность доказательств.

Практика показывает, что в судебном заседании подсудимые часто отказываются подтвердить показания, данные ими в ходе предварительного расследования, утверждая, что к ним применялись незаконные методы воздействия. В большинстве случаев суд оценивает данные заявления критически, как желание избежать уголовной ответственности, а показания, полученные на предварительном следствии, рассматривает как соответствующие обстоятельствам дела и допустимые. При этом суд указывает, что права обвиняемого (подозреваемого) были обеспечены участием защитника⁸.

Участие адвоката-защитника в производстве следственного действия действительно является гарантией соблюдения прав подозреваемого, обвиняемого и добровольности дачи показаний. Однако одного лишь формального присутствия защитника при допросе для утверждения о соблюдении права на защиту недостаточно.

Рассматриваемое положение закона в его нынешней редакции ограничивает право подозреваемого, обвиняемого осуществлять свою защиту самостоятельно и в любой момент отказаться от помощи защитника. И. Б. Михайловская отмечает, что «право подозреваемого (а равно и обвиняемого) пользоваться помощью защитника может превратиться в обязанность, поскольку заявленный отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя, прокурора и суда (ч. 2 ст. 52 УПК)»⁹. Данный вывод подтверждается практикой — более 80 % опрошенных нами следователей и дознавателей указали, что они, пользуясь правом, предоставленным им ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не

принимают во внимание заявления подозреваемых, обвиняемых в отказе от помощи защитника, и в обязательном порядке приглашают для участия в допросе адвоката-защитника по назначению. Опрошенные пояснили что, как правило, привлеченный ими защитник просто присутствует при производстве допроса подозреваемого, обвиняемого, каких-либо действий, направленных на выработку позиции по делу, на оказание реальной правовой помощи допрашиваемому, не предпринимает, т.е. «не мешает работать»¹⁰. Присутствие защитника при производстве допроса подозреваемого, обвиняемого превращается органом расследования в средство закрепления признания вины и позволяет им избежать в дальнейшем упреков в применении недопустимых приемов воздействия на допрашиваемого. Задуманное как средство защиты обвиняемого от такого воздействия, правило п.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ не достигает своей цели.

Очевидно, современные следователи, как и их предшественники, «наивно» полагают, что признаться в совершении преступления может только лицо, действительно его совершившее, тогда как «нормальный человек не сможет вредить себе ложным признанием, добиваясь страданий, связанных с применением наказания»¹¹. А. Р. Ратинов, исследовавший в 80-е годы прошлого века психологические основы допроса обвиняемого, отмечал, что «основной причиной, порождающей ложные признания, является заинтересованность не только, а подчас и не столько в исходе дела, сколько в самом ходе расследования, в наличной ситуации и желательности ее изменения любой ценой»¹². Поэтому при изменении ситуации, например в судебном заседании, обвиняемый меняет свои показания и отказывается от ранее сделанного признания.

Так, например, М., обвинявшийся в незаконном приобретении и хранении без цели сбыта наркотических средств в особо крупном размере, в ходе предварительного следствия признался также в совершении 11 краж чужого имущества.

В судебном заседании М. в совершении краж виновным себя не признал и показал, что после задержания оперативные сотрудники предложили ему написать явки с повинной о якобы совершенных им квартирных кражах, за что предложили дозу героина и «возможность побывать дома, помыться, иначе угрожали сфабриковать в отношении него дело за сбыт героина». Он решил не рисковать и согласился. В судебном заседании М. пояснил, что явки с повинной о совершенных кражах были написаны им под диктовку оперуполномоченных. Протоколы следственных действий он подписывал «добровольно», по ранее состоявшейся

договоренности с оперуполномоченными за очередную дозу героина. По словам М., его защитник-адвокат Ф. присутствовал не на всех допросах, хотя подписи защитника в протоколах имеются.

Поскольку вина М. в совершении квартирных краж не подтверждалась никакими иными доказательствами, кроме явок М. с повинной и его же показаний в ходе допросов и проверок показаний на месте, государственный обвинитель отказался от поддержания обвинения по всем эпизодам краж. Уголовное дело в этой части было прекращено¹³.

Данный пример подтверждает, что стремление подозреваемого, обвиняемого к достижению сиюминутной выгоды подчас заставляет его забыть о возможных отдаленных последствиях своих действий. Исследователями отмечено, что истинные причины ложного признания часто лежат вне сферы уголовного судопроизводства и могут быть неизвестны следователю, прокурору, защитнику и суду¹⁴

Обвиняемый находится в уязвимом положении, к нему государственная власть «намерена применить или уже применяет меры, ограничивающие или полностью ликвидирующие принадлежащие ему права и свободы»¹⁵, поэтому он нуждается в большей защите своих прав, чем любой другой участник уголовного судопроизводства. Однако существующая система процессуальных гарантий не обеспечивает полную и всестороннюю защиту обвиняемого от незаконного воздействия в целях получения признания.

Исходя из того, что показания обвиняемого, если они являются единственным доказательством по уголовному делу, всегда сомнительны, а при наличии достаточной совокупности других доказательств становятся ненужными, в литературе было высказано предложение об исключении показаний подозреваемого, обвиняемого из числа доказательств¹⁶.

Направленность данного предложения на обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого и нейтрализацию любого воздействия, направленного на получение признания, очевидна. Однако столь радикальное решение может привести и к противоположному результату, поскольку лишает подозреваемого, обвиняемого права давать показания и объяснения. Показания подозреваемого и обвиняемого, как известно, имеют двойственную юридическую природу: они не только являются доказательством, но и служат средством защиты от предъявленного обвинения. Поэтому содержанием показаний обвиняемого являются не только обстоятельства его виновности, но и мотивы и цели его действий, наличие алиби, смягчающие его вину и иные существенные обстоятельства.

Рассматриваемое предложение также не учитывает, что подсудимые, многие из которых признают свою вину и чистосердечно раскаиваются в совершенном преступлении, далеко не всегда отказываются от показаний, данных ими в ходе предварительного расследования.

Например, по уголовному делу, возбужденному по факту незаконного оборота наркотических средств (ч. 3 ст. 228.1 УК РФ), Ж. был задержан с большим количеством наркотического средства «амфетамин». С момента задержания он активно сотрудничал со следствием, помогал в установлении других лиц, входящих в преступную группу, занимавшуюся распространением наркотиков на территории Самарской области и других субъектов РФ. В процессе рассмотрения судом уголовного дела Ж. подтвердил ранее данные им показания. Признание и соответствующее ему поведение подсудимого были приняты судом во внимание при назначении наказания¹⁷.

Право на молчание и свобода дачи показаний, на наш взгляд, могут быть обеспечены только в том случае, если показания, данные следователю, не рассматриваются судом как заведомо более достоверные, чем те, которые даны обвиняемым в суде. Оценивая эти показания, следует учитывать зависимое положение обвиняемого от органа предварительного расследования, обвинительную направленность его уголовно-процессуальной функции, возможность недобросовестного воздействия на свободу волеизъявления допрашиваемого и манипулирования процессуальными средствами, предназначенными для обеспечения права на защиту. Гарантией против необъективной оценки результатов расследования служит непосредственность судебного разбирательства.

Согласно ст. 240 УПК РФ суд обязан непосредственно исследовать все доказательства, лично допросить обвиняемого, потерпевшего, свидетелей. Однако по ходатайству сторон показания обвиняемого, данные на предварительном следствии, могут быть оглашены в судебном заседании:

- при наличии существенных противоречий между показаниями, данными им в ходе предварительного следствия и в суде;
- когда уголовное дело рассматривается в отсутствие подсудимого;
- в случае отказа от дачи показаний.

При этом возможность оглашения показаний обусловлена соблюдением правил допроса обвиняемого в ходе предварительного следствия (п. 3 ч. 4 ст. 47; п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

На практике же показания обвиняемого, полученные в ходе предварительного расследования, оглашаются в суде по ходатайству сто-

роны обвинения как при наличии незначительных отклонений от протокола допроса, так и при несоблюдении процедуры допроса на предварительном следствии (например, при допросе в качестве свидетеля подозреваемого). Именно этими, следственными, показаниями в подавляющем большинстве случаев суд обосновывает обвинительный приговор¹⁸. Это позволяет нам согласиться с Н.А. Колоколовым, что судебное разбирательство, в котором «сказанное следователю дороже произнесенного в суде», — фарс¹⁹. Руководствуясь требованием непосредственности исследования доказательств, принципами законности и состязательности, суд не должен допускать оглашения протокола допроса обвиняемого, составленного органом предварительного расследования, если обвиняемый не подтверждает содержащихся в этом протоколе показаний вне зависимости от того, присутствовал ли при его досудебном допросе защитник. Это не только позволит решить проблему неправомерного воздействия на обвиняемого в ходе расследования в целях получения признания и использования защитника в качестве средства «закрепления» признания, но и будет стимулировать органы предварительного расследования к активному и наступательному поиску объективных доказательств виновности обвиняемого.

Примечания

¹ Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В. А. Лазарева. — М.: Высшее образование, 2009. — С. 249.

² Баев, О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: научно-практическое пособие / О.Я. Баев. — М.: Экзамен, 2003. С. 207-258, Ратинов, А.Р. Психология допроса обвиняемого: методическое пособие / А.Р. Ратинов, Н.И. Ефимова. — М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1988. — С. 79-99 и др.

³ См., напр.: Бочкарев, М.В. Использование знаний о нервной системе при допросе подозреваемого и обвиняемого: методические рекомендации для следователей и дознавателей / М.В. Бочкарев. — Саратов: СЮИ МВД России, 2006; Мазунин, Я. Уголовная ответственность подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) за заведомо ложные показания / Я. Мазунин // Уголовное право. — 2004. — № 3. — С. 47-49; Чебуренков, А. А. Виды поведения подозреваемого и обвиняемого, подтверждающие его причастность к преступлению (улики поведения) / А. А. Чебуренков // Следователь. — 2004. — № 4. — С. 27-30 и др.

⁴ Мазунин, Я. Указ. соч. — С. 48.

⁵ См., например, Белкин, Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р.С. Белкин. — М.: Юристъ, 1997. — Т. 3. — С. 136-137.

⁶ Бабаева, Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию: монография / Э.У. Бабаева. — М.: Юрлитинформ, 2006. — С. 273-274.

⁷ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Михеев против Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». К сожалению, этот пример не единичен. См. также: Доклад марийских правозащитников о нарушении прав человека сотрудниками правоохранительных органов. — Режим доступа: <http://www.volgainform.ru/allnews/399230/>; Эльдарова, Н. Дошли до пыток / Н. Эльдарова // Самарское обозрение. — 19 января 2009. — № 1. — С.9 и др.

⁸ См, например, Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 января 2006 г. № 91-005-9 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»; Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 октября 2005 г. № 66-005-42 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2006 г. № 13-006-17 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁹ Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. — М.: ТК Велби; Проспект, 2006. — С. 44.

¹⁰ Подобная точка зрения высказывается и в юридической литературе. См., например, Гармаев, Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: учебник / Ю. П. Гармаев. — М.: Экзамен, 2005.

¹¹ См. Ратинов, А.Р. Указ соч. — С. 26.

¹² Там же. — С. 27.

¹³ Уголовное дело № 1-327/2008. Архив Кировского районного суда г. Самары.

¹⁴ См, Ратинов А. Р. Указ соч. С. 27-30, Куссмауль, Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств / Р. Куссмауль // Российская юстиция. 2001. №7.

¹⁵ Михайловская, И. Б. Указ. соч. С. 16.

¹⁶ См, например, Куссмауль, Р. Указ. соч.

¹⁷ Уголовное дело по обвинению Ж., С., Н., У. Архив Железнодорожного суда г. Самары.

¹⁸ См. например, уголовное дело № 1-759/04. Архив Кировского районного суда г. Самара, Уголовное дело № 1-17/07. Архив Красноглинского районного суда г. Самары и др.

¹⁹ Колоколов, Н.А. Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении, УПК? / Н.А. Колоколов // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РСФСР): материалы международной научно-практической конференции. — М., 2007. — С. 49.